

ПЕЙЗАЖ В РАННЕЙ ПОЭЗИИ Д. ИГАНА

© 2006 А.Л. Савченко

Воронежский государственный университет

В европейской поэзии и, в частности, ирландской, пейзаж всегда занимал значительное место. Описание природы и связанные с ним настроения и переживания персонажей художественных произведений воплощались и в древних легендах, сагах и преданиях, и органично включались в стихи У. Б. Йетса, П. Каванаха, Ш. Хини и других поэтов XX в. В их творениях пейзажные зарисовки подчас имеют описательную функцию, могут нести символическую нагрузку, оттенять и акцентировать чувства и эмоции человека, а также являться одним из способов видения мира. В современной ирландской поэзии мы находим картины сельской местности с еще сохранившимся почти патриархальным бытом, городской урбанизированный пейзаж, но все же подобные зарисовки достаточно антропоморфичны, ибо в центре внимания авторов — человек и его связь и отношения с природой. Можно говорить о городских ландшафтах в произведениях ирландских авторов. Так, современный ирландский литературовед Б. Аркинс пишет о Дублине Д. Джойса, Слайго У. Б. Йетса, Монахане П. Каванаха и Мидлэнде Д. Игана [1, 27]. Так же, как и его великие предшественники, Д. Иган создает свой мир, своеобразный микрокосм, фиксируя в стихах как картины природы средней части Ирландии, так и обыденное существование ее обитателей. И это не удивительно: ведь Мидлэнд — место, где он родился и вырос, где жили его предки и где до настоящего времени живет он сам в небольшом городке Ньюбридж.

Напомним, что литературную карьеру поэт начал, выпустив в свет несколько стихотворных сборников: “Мидлэнд” (“Midland”, 1972), “Листья” (“Leaves”, 1974), “Этлон?” (“Athlone?”, 1980) и др., в которых создал впечатляющие зарисовки, где отчетливо выражено живописное начало.

Давно известно, что поэт нередко творит образы, связанные с освоением видимого мира, ориентируясь, в отличие от художника, не на

зримое восприятие его произведения, а на воображение читателя. Еще в XIX в. американские поэты обратили внимание на то, что “живопись и скульптура воспроизводят зримые предметы и через их посредство вызывают связанное с ними чувство или переживание; поэзия же в словесных символах вызывает представление о зримом объекте и одновременно предполагает отвлеченную идею” [6, 33–34]. Соединяя воедино зарисовки ирландской природы с символикой и “подсказывающим намеком” (термин У. Брайанта), Д. Иган в своих стихах воссоздает картины родного края — равнинную часть Ирландии с обширными полями, покрытыми зеленой травой, торфяными болотами, с немногочисленными холмами, небольшими городами и крестьянскими фермами. Мидлэнд Д. Игана предстает перед читателем в лаконичных, но в то же время эмоционально окрашенных стихах, так как поэт, словно живописец, замечает мельчайшие изменения в природе. Он действительно пытается заставить читателя “увидеть” изображаемый им пейзаж, дать в “словесных символах... представление о зримом объекте”, используя различные художественные средства, палитра которых у него хотя и ограничена, но достаточно впечатляюща.

Так, например, в стихотворении “Мидлэнд”, давшем заглавие поэтическому сборнику, пейзаж Средней Ирландии представлен, казалось бы, только в изобразительном аспекте:

*“a house steamed down horizon afternoon
the bog sea calm
flat as drainwater the swells of brown rising
to where quiet mountains
of cloud sheered ranging away
like another dimension” [4, 20].*

Автор, воссоздавая типичный для этой части своей родной страны уголок, подбирает метафоры: the bog sea, mountains of cloud; эпитеты,

нейтрально окрашенные: calm, flat. Этот пейзаж “не заселен”, в нем пока еще отсутствует человек: есть только чайки, бродящие по болоту. Именно птицы оживляют эту пейзажную зарисовку. Они у Д. Игана персонифицированы и наделены стремлением обрести души, и таким образом у читателя рождается понимание того, что для поэта птицы ассоциируются с людьми, тщетно пытающимися обрести душевные силы. Так в стихотворении соединяются метафорика, эпитеты и “подсказывающий намек”.

Первый поэтический сборник Д. Игана насыщен описанием всех тех компонентов, которые обычно наличествуют в пейзажных зарисовках, однако его автору удается создать особую, неповторимую атмосферу Мидлэнда, тем самым привнося в свои стихи национальный колорит. Как он это делает? Сначала, по словам профессора Б. Аркинса, он “называет все, что делает Среднюю часть Ирландии Мидлэндом: птиц — чаек, ворон, жаворонков, лебедей, диких уток; зверей — лисиц, белок, лошадей; водное пространство — реки, озера, построенные в начале XX в. каналы; использует сугубо ирландские названия небольших городов — Owel, Boyne, Heronstown и др. Все это дает возможность запечатлеть своеобразие ландшафта с сугубо национальной окраской, не избегая при этом и общепринятых для подобного рода поэзии тем и ситуаций. Так, в стихотворении “Сентябрь” (“September”) рисуется смена времен года. Наступление осени передается в деталях, тонко подмеченных Д. Иганом и очень впечатляюще и красиво преподнесенных читателю: осенняя роса, едва слышно, почти безмолвно шелестящие деревья и камыши на берегу реки, усталые бабочки, пресыщенные пылью осенних георгин, дым от осеннего костра, который, как бронзовая завеса, исчезает вдали. Финал стихотворения в высокой степени метафоричен и насыщен грустью из-за уходящего лета:

*“and black tears glistening among brambles
for every summer become
a wasp
blundering
indoors to die” [4, 22]*

(“и черные слезы сверкающие
в кустах куманики
каждое лето превращаются
в осу
ошупью направляющуюся умирать
в укромное место”)
(перевод мой. — А. С.).

Стоит заметить, что уже в первом сборнике стихов Д. Иган применяет особую строфику,

которую будет использовать и в дальнейшем, то располагая на одной строке длинную фразу, то предоставляя целую строчку одному слову, тем самым акцентируя его значение для реализации своего авторского замысла. Он также избегает заглавных букв в начале строки и не использует знаки препинания за исключением, пожалуй, восклицательных и вопросительных знаков, а также тире.

Много стихов в сборнике посвящено цветам (например, “Белый, белый крокус” (“Crocus a White Crocus”) и таким, на первый взгляд, не романтическим созданиям, как, к примеру, рыбы, и сетям, с помощью которых их ловят (“Окунь”/“Perch”) и т. п. Но и там, где он не без юмора описывает окуней, живущих в чистой воде самых обычных рек, поэт сочувствует рыбам, попавшим в сети, когда их оттуда безжалостно, еще живыми, выбрасывают на берег, чтобы освободить место для “благородной” форели. Однако Д. Иган любит эту “простую рыбку”, способную и неподвижно лежать в воде, и плыть с большой скоростью. Он описывает ее летом, когда река спокойно несет свои воды в море, где занимается новый молодой (“young”) день, на берегу реки цветут маргаритки, а мальчишки ловят рыбу удочками и раздаются различные звуки, которые автор называет “гласными лета” (“vowels of summer”). Поэт строит эту зарисовку природы таким образом, что прекрасный пейзаж и атмосфера стихотворения вызывают восхищение, апеллируя к светлым человеческим чувствам.

Стихотворение “Крапива” (“Nettles”) — зарисовка иного рода, поражающая буйством зеленого и изумрудного цветов, характерных для крапивы. Поэт замечает, что это растение особенно красиво в ночной тишине, освещенное лунным светом, и в своем роскошном цветении может показаться плодоносящим и вполне безобидным. Однако красота эта обманчива. Д. Иган не говорит о неприятном, а иногда и опасном соприкосновении с ней человека. Он только указывает места, где крапива растет, — на кладбищах и свалках, и этого достаточно, для того чтобы вызвать неприятные эмоции у читателя. В конце стихотворения он делает следующее заключение:

*“I have seen you sunless one
spread elsewhere spread
down the waste place of the soul” [3, 24].*

Очевидно, Д. Иган не случайно в этом, одном из первых своих стихов, сопрягая природу и человека, выбирает крапиву в качестве символа силы, опустошающей и разочаровывающей душу.

Вошедшие в “Мидлэнд” стихотворения, в большинстве своем представляющие собой, как это было отмечено, картины природы или впечатления поэта от мест на его родине, которые ему особенно дороги, имеют целью нарисовать равнинную часть Ирландии не только как местность, но и как умонастроение, что отчетливо видно в заключающем сборник “Диалоге” (“Dialogue”). В нем выражено желание поэта жить в уединенном уголке в лесу на берегу озера (явная аллюзия на “Уолдена” Г. Торо) с кем-то, кто бы его хорошо понимал:

“...с кем я мог бы жить спокойно среди птиц” [5, 17].

Вместе с тем чувствуется несколько саркастическое отношение к этой возможности, ибо, по его мнению:

*“...такое мало кому дано
даже птицам” [5, 17].*

Первое и последнее стихотворения сборника образуют своеобразную раму и являются, по видимому, весьма значимыми для Д. Игана. Только в первом из живых существ присутствуют чайки, а в последнем — люди: лирический герой ведет диалог с человеком, близким ему по духу. Вещные детали немного меняются: домик из первого стихотворения превращается в коттедж, а тот, с кем поэт хотел бы жить, должен быть “непохожим на других” [5, 17], но такое существование вряд ли вообще возможно.

Во втором поэтическом сборнике “Листья” также доминирует изобразительное начало: Д. Иган рисует Мидлэнд с его малыми и большими реками, такими, как Шеннон, Бойн и др., зеленой травой и цветущими деревьями и цветами. Стихи очень личные, окрашенные в лирические тона и, хотя в них ни слова не говорится о любви, подспудно ощущается грустное настроение лирического героя, очевидно, из-за непонимания любимой его состояния. Как и в предыдущей книге (большинство исследователей творчества Д. Игана считают его поэтические сборники именно книгами, в которых, казалось бы, различные по многим параметрам стихи связаны воедино общим авторским замыслом и настроением), в “Листьях” проскальзывают и трагические нотки. Так, например, в стихотворении “Муха в башне” (“The Fly in the Tower”) описывается незначительный эпизод из жизни поэта: в его кабинет с жужжанием влетела муха “подобно осенней осе” [4, 46] и, чтобы избавиться от неприятного звука, он машинально ударяет ее, и это внезапно ассоциируется у поэта с человеческими потерями и смертью:

*“...loss oh loss —
but things are irrevocable
as the death we all live
loving and losing graceless” [4, 48].*

Сборник “Этлон?”, состоящий из 22 стихотворений, является, по убеждению Б. Аркинса, “наиболее цельным” [1, 33] в раннем творчестве Д. Игана, ибо он полностью посвящен родному городу поэта Этлону, который расположен в самом центре Мидлэнда. Городок описан поэтом с любовью. Детали тщательно проработаны: в книге запечатлен пейзаж, типичный для небольшого ирландского городка — узкие улицы, базарная площадь, множество магазинов и лавок, река, Канал, школа, парикмахерская, кладбище, кинотеатр, библиотека и многое другое, близкое сердцу Д. Игана.

Как и в стихах, представляющих собой зарисовки природы, в “Этлоне?” деталь нанизывается на деталь, фиксируются впечатления раннего детства, подросткового возраста и юности, и все это, сливаясь воедино, создает эффект визуального восприятия. Здесь представляется уместным вспомнить мысль Ф. Купера, касающуюся воспроизведения пейзажа. Он полагает, что в поэтическом описании важную роль играет связь времени и ассоциаций, а также память о прошлом, и все это легко обнаруживается в анализируемом произведении.

Городской пейзаж в этом сборнике одухотворен и в большей степени, чем в предыдущих, оживлен присутствием людей. Выделяя то или иное место, как бы выхватывая его из прошлого, Д. Иган, как живописец, делает отдельные мазки, которые воздействуют на воображение читателя, заставляя его пережить эстетическое удовольствие, может быть, даже более сильное, чем от целой картины, ибо человеку свойственно даже в мельчайших подробностях, однажды уже увиденных, открывать для себя что-то новое.

Пейзажные зарисовки Этлона становятся для поэта способом увидеть людей, населяющих город, а также воспроизвести атмосферу, в которой они жили.

Интроспективный взгляд на город и временная дистанция, с которой Д. Иган смотрит на него и его обитателей, позволяет ему создать картину, по словам Б. Аркинса, напоминающую “сады Эдема до и после грехопадения Адама и Евы, то есть условия жизни в первозданной чистоте и последующей за ней испорченности, и Этлон превращается в микрокосм трансцендентного и материального миров” [1, 33]. И действительно, в последнем стихотворении сборника поэт, мысленно прощаясь со временем, которое он провел в этом городе, переносится на тропинку, по которой любил гу-

лять, затем на дорогу, ведущую к торфяникам, затем на берег реки Шеннон, затем все дальше и дальше, в глубину своей памяти, ибо “отпечаток времени” присутствует везде. И, как бы вспомнив высказывание Т. С. Элиота о том, что человеческая натура не может вынести длительного созерцания окружающего ее мира, Д. Иган пишет:

*“but that’s a bit much now
there being so little one can cope with”* [3, 192].

Здесь сопрягаются два плана: абсолютно реальный (зарисовки Этлона) и воображаемый, а грусть перемежается с радостью. Поэт видит кладбище с “невывказанными словами прощания” (“a graveyard wide with the unheard goodbyes” [3, 192]), а летний вечер выщечивает небо “печально-счастливыми” звездными кругами. Таким образом, город, как, впрочем, и вся средняя часть Ирландии, представляет собой не только определенный топос, но и особую модель существования, в котором, как представляется поэту, гармонично соединяются природа и люди. Естественно, автор несколько преувеличивает гармонию между телом и духом у жителей городка, но делает это очень деликатно. В стихотворении “Этлон?” ностальгические чувства безусловно окрашивают описание городка, и они смешаны с восхищением всем тем, что он в нем видел, и грустью от того, что это уже никогда не может повториться. И хотя в “Оде вороне” (“Crow Ode”) Д. Иган шутливо называет ворону “соловьем нашего города” (“nightingale of our town” [4, 78]), все же истинной его душой жители Этлона считали отца поэта Томаса Игана, образ которого появляется в этом поэтическом сборнике несколько раз. Самые важные и дорогие сердцу идеи поэт, как обычно, выносит в последнюю строчку произведения. Мы обнаруживаем это и в стихотворении, давшем название сборнику:

“someone waves from the front and turns back in” [4, 76],

и в финальном стихотворении “Заключительная строфа” (“Envoi”):

*“the hedges have greened and I am walking very slowly
listening to my father”* [3, 192].

Заметим, что образ отца станет главным в книге “Песнь о моем отце” (“A Song For My Father”, 1989) — одной из лучших и, может быть, самой трагической в творчестве поэта.

Выпуская свои стихотворные сборники, Д. Иган почти всегда снабжал их иллюстрациями или фотографиями. Так, в “Мидлэнде” даны рисунки ирландского художника Б. Берка, в “Этлоне?” — фотографии. Таким простым и чи-

сто формальным способом поэт подтверждает свое стремление к соединению поэзии и визуальных видов искусства.

Можно говорить еще об одном аспекте другого источника подобного стремления — влиянии графики на построение его стихов. Он уже в первых своих книгах (но не столь часто, как в более поздних своих произведениях) использует два текста — основной и вспомогательный, причем вспомогательный обычно выделен курсивом и призван либо подчеркнуть главную мысль основного текста, либо ее отвергнуть, либо пародировать. Здесь Д. Иган идет вслед за Э. Паундом (которого он высоко ценит), полагавшем, что среди прочих компонентов текст вбирает в себя “фанопоэю”, то есть поэзию зрительного образа, проявляющего себя графически.

Университетский учитель поэта профессор Дублинского университета П. К. Коннолли, допуская возможность влияния на его творчество Э. Паунда, считал, что “организация строф и строк у Д. Игана родственна структуре стихов Э. Паунда и У. Уильямса, но он слышит собственный голос поэта в ритмике и лаконичности стиха, в котором больше взято из американской поэзии, чем из английской, в том числе и в плане графическом” [2, 27].

Таким образом, в трех первых поэтических сборниках в изображении пейзажа Срединной части Ирландии Д. Иган делает достаточно успешную попытку синтеза поэзии, живописи и графики. Он фокусирует свое внимание на флоре и фауне, сельском и городском ландшафте, временах года и т. п., представляя читателю картины родных ему мест, иногда выделяя детали, иногда — используя один-два штриха, создавая при этом образы людей и фиксируя свои впечатления от всего увиденного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arkins B. Desmond Egan. A Critical Study / B. Arkins. — Milestone Press, 1992. — 142 p.
2. Connolly P. K. Personal Eternities // Desmond Egan. The Poet and His Work. — Northern Lights USA, 1990. — P. 27-32.
3. Egan D. Collected Poems / D. Egan. — University of Main, 1983. — 191 p.
4. Egan D. Echoarches / D. Egan. — Leuvense Schrijversaktie, 1990. — 187 p.
5. Иган Д. Избранное. На рус. и англ. яз. / Д. Иган. — Воронеж: Родная речь, 2000. — 115 с.
6. Эстетика американского романтизма / Под ред. М. Ф. Овсянникова и др.; Сост., коммент. и вступ. статья А. Н. Николюкина. — М.: Наука, 1977. — 325 с.

Рецензент — В. М. Акаткин.